

## КВАЗИУРБАНИЗАЦИЯ В СТАЛИНСКОЙ СТРАТЕГИИ МОДЕРНИЗАЦИИ СИБИРИ: КОНЕЦ 1920-х – КОНЕЦ 1930-х гг.

В России XX столетия одним из самых значимых аспектов модернизационного процесса была урбанизация, оказавшая кардинальное воздействие на экономическое, политическое, демографическое и социокультурное развитие как страны в целом, так и ее отдельных регионов. Ускоренный рост численности городского населения, развернувшийся в СССР в полную силу во второй половине 1920-х гг. на основе форсированной индустриализации, был характерен, прежде всего, для восточных районов страны. В Сибири, особенно в Кузбассе, урбанизация была столь бурной, что вышла за рамки процесса, характерного для многих других районов нового промышленного освоения.

Специфика форсированной урбанизации Сибири оказалась столь существенной, что сегодня мы вправе говорить о ярко выраженном аномальном процессе, обусловленном не столько экономическими, но политическими факторами. Массовое бегство крестьян, выталкиваемых коллективизацией с насиженных мест в города, интенсифицировали процесс маргинализации городского населения. Вместе с тем, ускоренное развитие тяжелой индустрии на фоне очевидной ресурсной необеспеченности социальной сферы вызвало мощные диспропорции между численностью городского населения и развитием инфраструктуры городских поселений. В этом аспекте рассматриваемый процесс вполне может быть обозначен как «квазиурбанизация».

Цель настоящей работы — в первом приближении выявить динамику форсированной урбанизации (квазиурбанизации) на территории Сибири в 1920–1930-е гг., и определить, насколько это возможно в рамках ограниченной по объему статьи, некоторые социо-культурные последствия этого процесса. При этом мы имеем в виду, что проблема «квазиурбанизации» достаточно четко укладывается в схему незавершенной (консервативной) модернизации СССР, разработанной А.Г. Вишневым (*Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998*).

Территориальные рамки статьи охватывают Западную (Республика Алтай, Алтайский край, Кемеровскую, Новосибирскую, Омскую, Томскую и Тюменскую области) и Восточную Сибирь (Республики: Бурятия, Тыва, Хакасия, Красноярский край, Иркутская и Читинская области). Хронологические границы исследования определены по двум всесоюзным переписям населения 1926 и 1939 гг. Источниками послужили материалы всесоюзных переписей населения 1926 г. и 1939 г., а также материалы текущего учета естественного и механического движения населения.

Процесс формирования и развития городского населения Сибири в первой половине 1920-х гг. было бы правильно характеризовать, как вяло текущий процесс урбанизации, развернувшаяся еще в XIX в связи с хозяйственным освоением Сибири и строительством транссибирской железнодорожной магистрали. Перепись населения 1926 г., (как показывают данные, сосредоточенные в таблице) (Московский А.С., Исупов В.А. *Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.)*. Новосибирск, 1984. С. 29) зафиксировала, что на территории Сибири проживало 11,0 млн чел., из которых только 1,4 млн человек сосредоточивались в городских поселениях. Удельный вес городского населения в регионе, таким образом, составлял 12,8%. Для сравнения укажем, что доля городского населения по СССР в целом составляла 18% (*Население СССР (численность, состав и движение населения)*. 1973. Стат. сборник. М., 1975. С. 14, 16).

#### **Динамика численности городского населения Сибири 1926–1939 гг. (включая Якутскую АССР)**

Дата	Все население	Сельское население	Городское население	
			тыс. чел.	удельный вес, %
17 декабря 1926 г.	11 024,0	9 609,0	1 415,0	12,8
17 января 1939 г.	14 112,0	9 688,0	4 424,0	31,3
1939 г. в% к 1926 г.	128,0	100,8	312,7	—

Согласно нередко используемой в нашей стране шкале уровня урбанизированности, разработанной Э. Россетом (с поправками С.А. Польского), доля городского населения менее 20% свидетельствует об очень низком уровне урбанизированности, от 20 до 33% — о низком, от 33 до 50% — о среднем, от 50 до 66% — о высоком и 66% и выше — об очень высоком уровне урбанизированности (Польский С.А. *Урбанизация и условия жизни народонаселения СССР // Народонаселение СССР и мира: Развитие, проблемы, исследования*. М., 1983. С. 146). Из этого следует, что уровень урбанизированности Сибири в середине 1920-х гг. был адекватен уровню «очень низкий». Самыми крупными городскими поселениями Сибири являлись: Омск, наличное население которого в 1926 г. составляло всего 162 тыс. чел., Новосибирск — 120 тыс., Томск — 92 тыс., Иркутск — 99 тыс., Барнаул — 74 тыс., Красноярск — 72 тыс., Чита — 61,6 тыс. чел. (*Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. VI. М., 1928. С. 8–10*).

Кардинальные сдвиги в численности городского населения Сибири, произошли только во второй половине—конце 1920-х гг. СССР вступил в стадию ускоренной индустриализации с ее астрономическими темпами роста. В сталинской стратегии индустриализации Сибири отводилось особое место. Ускоренное развитие тяжелой промышленности придали экономическому и социо-культурному развитию Сибири особый облик. Темпы роста численности городского населения региона в эти годы ха-

рактируются фантастическими, невиданными ранее величинами. Сибирь в 1930-е гг. переживала своего рода урбанистический взрыв.

Население Новосибирска за 1926–1939 г. выросло более чем в 3 раза, Омска почти в 2, Иркутска и Красноярска — почти в 3 раза (Московский А.С., Исупов В.А. Указ. соч. С. 145). Но нигде в стране не было зафиксировано таких бурных темпов роста городского населения, как в Кузбассе. Здесь в указанные годы численность городского населения увеличилась сразу в 7,5 раз (*Население СССР (численность, состав и движение населения... С. 16)*). Сталинск (ныне Новокузнецк) увеличил свое население в 45 раз, Кемерово — в 6, Прокопьевск — в 10, Ленинск-Кузнецкий — в 4 раза (Московский А.С., Исупов В.А. Указ. соч. С. 145). Уровень урбанизированности сибирского региона в 1939 г. повысился до 31%.

Обеспечить столь фантастический рост городского населения только за счет внутренних ресурсов сибирских городов было невозможно в принципе. К тому же начиная с конца 1920-х гг. естественный прирост городского населения быстро сокращался. В основе лежало снижение рождаемости и увеличение смертности в связи с ухудшением условий существования. Таким образом, важнейшим и необходимым элементом форсированной урбанизации стали крупномасштабные миграции. Перемещения сельского населения в города и рабочие поселки в основном обеспечивались коллективизацией, проводившейся насильственными методами. Крестьяне сотнями тысяч выталкивались из деревни. Немаловажную роль играли насильственные депортации так называемых «кулаков». Сибирь превратилась в центр крестьянской ссылки. Без такого рода подпитки, форсированная урбанизация была бы невозможна. Миграции, хаотичные по форме, приняли огромные размеры. В 1926–1939 гг. на долю механического прироста во всем приросте городского населения Сибири приходилось свыше 72%, тогда как удельный вес естественного прироста составлял всего 13% (*Там же. С. 57*).

Соответственно, основной социальной группой, за счет которой формировалось городское население Сибири в 1930-е гг. являлось сибирское крестьянство. Так, согласно материалам локальной переписи городского населения Кузбасса, организованной в январе 1931 г., среди новоселов, проживавших в городских населенных пунктах региона менее 3-х месяцев, на долю выходцев из Сибирского края приходилось почти 83%. Три четверти из них до момента миграции проживали в деревне (*Кузбасс. Результаты переписи городского населения 1931 г. Новосибирск, 1931. С. XVIII*). Согласно данным, основанным на регистрации прописки-выписки, в города Сибири в 1933–1937 гг. вселилось около 4,5 млн чел., из которых 2,7 млн являлись выходцами из деревни (Московский А.С., Исупов В.А. Указ. соч. С. 66).

Форсированная и, по сути, бессистемная урбанизация влекла за собой большое количество не только экономических, но, прежде всего

социо-культурных проблем. В сущности, говорить об урбанизации Сибири в полном смысле этого слова не приходится. Численность городского населения действительно росла очень бурно, но городов не по названию, а по сути, в регионе по-прежнему было очень мало. Те населенные пункты, которые сумбурно формировались вокруг градообразующего промышленного ядра — крупного завода, шахты или строительства городами можно назвать только с большой долей условности. Чаще всего они являли собой бесформенный конгломерат поселков, состоящих из общежитий, бараков, землянок, в лучшем случае из скромных деревянных домиков пониженной комфортности. Основная масса ресурсов вкладывалась в промышленное строительство. Жилищно-коммунальное хозяйство, транспортная система, культурно-бытовая сфера, здравоохранение, словом вся та социальная инфраструктура, которая и превращает населенный пункт в город как таковой, находилась в зачаточном состоянии. В этом отношении очень точно отражает сложившуюся ситуацию докладная записка, направленная в конце 1939 г. секретарем Кемеровского горкома ВКП(б) Сифуровым в Новосибирский обком. В документе специально подчеркивалось: «ГК ВКП(б) отмечает недопустимую диспропорцию между освоением капиталовложений по промышленному строительству и культурно-бытовому строительству. За последние годы в Кемерово построены и пущены в ряд предприятий..., но города по существу не построено...» (курсив мой. — В. И.). Имеющиеся ресурсы позволяют осваивать, причем явно неудовлетворительно только программу промышленного строительства» (ГАКО. Ф. П-15. Оп. 8. Д. 19. Л. 18–19).

Итак, города Сибири (за некоторым исключением) не являлись городами в полном смысле этого слова. Но их нельзя отнести и к сельским населенным пунктам, так как большинство их жителей были заняты в несельскохозяйственной сфере труда. В результате, к концу 1930-х гг. в Сибири сформировалась сеть маргинализованных населенных пунктов, условно отнесенных статистикой тех лет к городам и рабочим поселкам. Основным критерием такого рода классификации являлся не весь комплекс признаков, превращавших село в город, но главным образом численность населения. Эти маргинализованные населенные пункты были заселены маргиналами — бывшими сибирскими крестьянами, оторвавшимися от своих корней, но еще не ставшими горожанами по своей ментальности, образу жизни, социальным ориентациям и целевым установкам. Как видим, маргинализованным населенным пунктам вполне соответствовало маргинализованным население.

С учетом этого, было бы правильнее говорить не об урбанизации Сибири, но скорее о своеобразном и весьма специфическом феномене квазиурбанизации. Главная причина, порождавшая квазиурбанизацию заключалась в сталинской стратегии индустриализации, которая предусматривала сосредоточение ресурсов в промышленности. Все остальное

откладывалось «на потом», на неопределенное будущее. Отметим, что такого рода квазиурбанизация была характерна не только для Сибири, но для всей страны. Отличие в том, что в европейской части страны, как более освоенной территории, квазиурбанизация проявлялась в несколько смягченном варианте. В Сибири же, особенно в Кузбассе, она была доведена до крайних, почти абсурдных форм, что предопределялось форсированными темпами экономического роста и ускоренными процессами роста численности горожан.

Подводя некоторые итоги, определим основные черты квазиурбанизации:

1. Ускоренные темпы роста городского населения.
2. Особенно интенсивные миграции сельского населения в города.
3. Формирование резко выраженной диспропорции между численностью населения и степенью развития социальной инфраструктуры населенных пунктов.
4. Формирование сети маргинализированных поселений, в которых проживало маргинализированное население.
5. Задержка в формировании городского образа жизни, «промежуточность» между сельской и городской ментальностью.

Изменение ситуации, отказ от политики квазиурбанизации произошло только в 1950-е гг., когда в развитие городской инфраструктуры населенных пунктов Сибири стали вкладываться ресурсы.

**Н.С. КОРОБЕЙНИКОВА**

## **ФАКТОРЫ, ВЛИЯВШИЕ НА РАЗВОДИМОСТЬ В ГОРОДАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Специальных исследований, посвященных проблеме разводов и разводимости в городских поселениях Западной Сибири в годы Второй мировой войны не проводилось. Однако в работах некоторых ученых этот вопрос поднимался, были выявлены определенные закономерности. В 1991 г. В.А. Исупов, исследуя различные проблемы сибирского общества в 1930–1950-е гг., коснулся вопросов разводов и разводимости в период Второй мировой войны (*Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 1930-х–конец 1950-х). Новосибирск, 1991*). Он проследил динамику и оценил качественные показатели разводимости, такие как возраст разводящихся, время пребывания в браке, брачное состояние сибиряков на момент развода. По его оценкам, в годы Второй мировой войны количество разводов сохранялось на одном уровне, но возраст разводящихся изменился, увеличилось количество браков, которые распались после 5–19 лет совместной жизни суп-